

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70

КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Д.Е. Добринская, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Россия, 119234*

Развитие беспроводных технологий и цифровой инфраструктуры радикальным образом изменяет отношения индивидов со своей средой обитания и друг с другом. Вместо границ и разделения исследователи все чаще описывают современный мир, используя понятия сети, связи и потока. В статье представлены теоретические позиции в рамках социологического анализа киберпространства как особого типа пространства, возникающего в результате развития информационно-коммуникационных технологий. Рассматривается специфика различных подходов к определению киберпространства в контексте описания пространственно-временной дистанциации, свойственной современному обществу, в котором определяющее влияние имеют сетевые структуры. В статье делается вывод о том, что несмотря на наличие большого числа исследований, посвященных киберпространству, интерпретация этого понятия является весьма неоднозначной. Технологические основания оформления киберпространства, а также понимание того, что любое пространство является социально сконструированным, позволяют рассматривать киберпространство в перспективе изучения его физического, социального и информационного аспектов. Этот новый тип пространства, характерный для сетевых обществ XXI в., обладает рядом особенностей, указывающих на его виртуальность, сетевой характер функционирования, многомерность, нелинейность, изменчивость, возможность быть публичным и частным пространством и базой для конструирования сетевой идентичности.

Ключевые слова: киберпространство, информационно-коммуникационные технологии, сеть, сетевое общество, виртуальная реальность, интернет.

CYBERSPACE: TERRITORY OF CONTEMPORARY LIFE

Dobrinskaya Darya E., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

The development of wireless technologies and digital infrastructure has radically changed the relationships of individuals with their habitat and with each other. Instead of boundaries and separation, researchers increasingly describe the modern world, using concepts of network, connectivity and flow. The article

* Добринская Дарья Егоровна, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

presents theoretical positions within the framework of the sociological analysis of cyberspace as a special type of space emerging as a result of the development of information and communication technologies. The specifics of different approaches to the definition of cyberspace in the context of the description of the time-space distantiation as one of the key characteristic of modern society in which network structures have a decisive influence are considered. The paper concludes that, despite the large number of studies devoted to the issues of cyberspace, the interpretation of this concept is highly ambiguous. The technological basis for the design of cyberspace, as well as the understanding that any space is socially constructed, allows us to consider cyberspace in the perspective of studying its physical, social and informational aspects. This new type of space, characteristic of the networked societies of the 21st century, has a number of features that point to its virtuality, network nature of functioning, multidimensionality, nonlinearity, variability, the ability to be a public and private space and the basis for constructing a networked identity.

Key words: *cyberspace, information and communication technologies, network, network society, virtual reality, the Internet.*

Введение

Жизнь современного человека невозможно представить без технологий. Люди на протяжении всей истории своего существования стремились создавать комфортные условия жизнедеятельности. Именно благодаря этому стремлению человек смог окружить себя всеми достижениями современной цивилизации. Осмысление последствий информационно-коммуникационной революции привело современных мыслителей к выводу о том, что человеческое общество претерпело действительно серьезные качественные изменения. Характер этих изменений позволяет констатировать начало новой эпохи развития человеческой истории — эпохи господства сетей¹. Как писал еще в середине XX в. Маршалл Маклюэн, “главная особенность электрической эпохи состоит в том, то она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему”, оформляющую “единое поле опыта”². Произошедший во второй половине прошлого столетия “взрыв информации” стал причиной возникновения сетевого общества, которое характеризуется комплексностью и структура которого является неравновесной³.

Многие исследователи отмечают, что сеть как форма социальной организации существовала и на заре человеческой истории⁴.

¹ См., например, работы М. Кастельса, Р. Хассана, Я. ван Дейка, М. Хардта и А. Негри, Д. Барни, А. Барда и Я. Зодерквиста, У. Митчелла, П. Ханны, Ф. Капры, Дж. Урри и др.

² Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. С. 400.

³ Пригожин И.Г. Сетевое общество // Социс. 2008. № 1. С. 82–88.

⁴ Об этом подробнее см. исследования М. Кастельса, Дж. Урри, Я. ван Дейка.

Однако только в последнюю треть XX столетия, когда появляются сложные цифровые технологии сетевых коммуникаций, повседневная жизнь современного человека преобразовалась радикально, а сети институционализировались в качестве основной формы организации и взаимодействия социальных, политических и экономических сил. Неудивительно поэтому, что анализ функционирования основ сетевого общества содержит утверждение о трансформации человеческого опыта в связи с происходящими изменениями во всех сферах современного бытия. “И пространство, и время трансформируются под совместным влиянием информационно-коммуникационной парадигмы и социальных форм и процессов, вызванных текущим процессом исторических изменений”⁵.

Джон Урри рассматривает основы человеческого существования сегодня в рамках трех так называемых “фонов природы”: фон естественных объектов, фон искусственных объектов и фон виртуальных объектов⁶. На фоне естественных объектов (здесь исследователь имеет в виду природные ландшафты планеты) разворачивалась большая часть человеческой истории. Фон искусственных объектов начинает создаваться во время Первой и Второй промышленных революций. Фон виртуальных объектов стал результатом инноваций Третьей промышленной революции. И, следуя логике рассуждений мыслителя, можно предположить, что плоды Четвертой промышленной революции, заявления о наступлении которой звучат в последние годы все более отчетливо⁷, создают условия для интенсификации процессов развития этого фона.

Виртуальная природа как третий вид природного фона непосредственным и самым тесным образом связана с миром “движения”. Объекты материального мира (аппаратное и программное обеспечение компьютеров и различного рода коммуникативных устройств), находясь всегда рядом и продуцируя бесконечные информационные потоки, оставляют бесчисленное множество едва уловимых виртуальных следов. Урри фиксирует переход от сообщества к “воображаемому присутствию”⁸.

Не принимая классических положений “социологической ортодоксии”, ставя под вопрос изучение традиционного для социологии предмета — общества — Урри предлагает новые категории

⁵ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 354.

⁶ *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. С. 306–307.

⁷ *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2017.

⁸ *Мартыненко Т.С.* Трансформация предмета социологии в работах Б. Латура и Дж. Урри // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана “Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования”, 16-17 марта 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 158.

для социологии XXI в. Глобализационные тенденции 90-х гг. прошлого столетия являются одной из причин того, что социология, по мнению Урри, вышла за пределы “индивидуальных обществ”. Новая социология должна иметь дело с различными видами мобильностей, носителями которых являются живые организмы, предметы материального мира и информация⁹. «Можно сказать, что он отвергает понятие “общество” как релевантное современной социологии и ее предмету и предлагает заменить его термином “мобильность”»¹⁰.

Идея мобильности является базой всех теоретических построений социолога, а три природных фона, описанных выше, можно соотнести с обозначенными исследователем видами мобильностей. При этом ясно, что отличаясь от простых материальных сред действия, фон виртуальной природы является чрезвычайно чувствительным и способен трансформировать окружающий мир, оставаясь при этом невидимым. Этот фон представляет собой совокупность программных систем, позволяющих без сознательного обдумывания и вмешательства человека осуществлять многократно повторяющиеся действия. Системы виртуальной природы по-другому можно назвать *киберпространством*. Киберпространство представляет собой неотъемлемую часть природного фона современного сетевого общества.

Происхождение термина “киберпространство”

Скотт Лэш описывает современную жизнь как технологизированную. Индивиды незаметно для себя начинают воспринимать все, что происходит вокруг, через призму технологических систем. Люди и машины создали союз между биологической и технологической системами, в результате чего сложился сложный органико-технологический интерфейс, в котором индивиды уже не могут жить без помощи различных технических устройств¹¹. Особенностью информационной эпохи является оформление нового типа пространства – киберпространства.

Понятие “киберпространство” (англ. *cyberspace*) можно рассматривать как греко-латинскую комбинацию, состоящую из двух частей: “кибер-” (*cyber-*) и “пространство” (*space*). В Оксфордском словаре

⁹ Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 42.

¹⁰ Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее социологической теории в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 18.

¹¹ Lash S. Critique of information. L., 2002. P. 15.

английского языка указано, что префикс “cyber-” происходит от греческого слова κυβερνήτες, что буквально переводится как “правители”¹². Древние греки использовали слово “кибернетика” в прямом смысле как “искусство рулевого”, а в переносном – как “искусство государственного управления”. В начале XIX в. французский математик и физик А.М. Ампер, предложивший собственную классификацию наук, назвал науку об управлении государством “кибернетикой” (*cybernetique*), поместив ее между дипломатией и теорией власти¹³.

В современном употреблении “кибернетикой” обозначают науку о процессах управления, передачи информации и коммуникациях в сложных динамических системах (технических, компьютерных, биологических, нейронных, социальных). Теоретической основой кибернетики являются достижения многих научных дисциплин, среди которых особое место занимают математические науки и логика, биологические науки, разработка автоматизированных средств управления и т.д. Основные идеи кибернетики были сформулированы в 1948 г. Норбертом Винером в работе “Кибернетика, или управление и связь в животном и машине”¹⁴.

Дальнейшая эволюция кибердискурса способствовала возникновению целого ряда новых терминов, обозначающих появление нового мира, порожденного развитием технологий и распространением компьютерно-опосредованной коммуникации (*computer-mediated communication*, СМС). В настоящее время префикс “cyber-” используется в словах, обозначающих связь с сетями электронных коммуникаций и виртуальной реальностью.

Впервые о киберпространстве написал канадский писатель-фантаст Уильям Гибсон в “пророческом” рассказе “Сожжение Хром”, опубликованном в июльском номере журнала *Omni* в 1982 г.¹⁵ В последующих работах Гибсон продолжает активно использовать этот термин, наряду с новыми для того времени понятиями, такими как “искусственный интеллект”, “виртуальная реальность”, “транснациональные корпорации”, “матрица”. Особую популярность в этой связи получил роман Гибсона “Нейромант”¹⁶, опубликованный в 1984 г. Автор пишет о киберпространстве как о среде “чувственных галлюцинаций, испытываемых ежедневно миллиар-

¹² Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.

¹³ *Араб-Оглы Э.* Кибернетика и моделирование социальных процессов // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / Сост. В.Д. Пекелис. М., 1968. С. 152–153.

¹⁴ *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.

¹⁵ *Gibson W.* Burning Chrome // *Omni*. 1982. July. URL: <https://omni.media/omni-magazine-july-1982> (accessed: 15.07.2017).

¹⁶ *Гибсон У.* Нейромант. М., 2000.

дами операторов всех наций, в том числе и детей, изучающих математические науки... Графическое отображение данных компьютеров, принадлежащих людям. Немыслимая сложность. Потоки света, упорядоченные человеческим разумом, скопления и созвездия информации”¹⁷. Таким образом, в том числе и благодаря работам Гибсона, понятие киберпространства прочно укрепились в массовом сознании и во многом определило современную культуру восприятия пространства и времени¹⁸.

С распространением в начале 1990-х гг. всемирной паутины (*World Wide Web, WWW*) термин “киберпространство” получил практическое применение для описания онлайн мира, в котором взаимодействия индивидов и групп осуществляются посредством электронных сетей, соединенных средствами информационно-коммуникационных технологий. Мануэль Кастельс в связи с этим напишет, что возникает “коммуникационный гибрид”, сводящий воедино места в физическом пространстве и киберпространстве¹⁹. Дж. Барлоу, один из активных защитников свободы в интернете, в ответ на “Акт о благопристойности в телекоммуникациях”²⁰, публикует “Декларацию независимости киберпространства”, в которой пишет, что “киберпространство состоит из операций, взаимоотношений и самой мысли, образующих подобие волнового узора в сети наших коммуникаций. Наш мир – везде и нигде, и он не там, где живут наши тела”²¹.

Если обратиться к вопросу происхождения термина “киберпространство”, сместив акцент с цифровых оснований префикса “cyber-” на пространственные основания второй части слова “space”, то уместным представляется здесь точка зрения Анри Лефевра, который полагал, что “каждое общество производит свое пространство”²². Мыслитель разработал “унитарную теорию пространства”, содержащую три компонента: физическое, ментальное и социальное пространства. “Иначе говоря, предметом исследования выступает логико-эпистемологическое пространство, пространство социальной практики, занятое чувственными явлениями, в число которых входят и воображаемое, проекты и проекции, символы, утопии”²³. Основой концепции пространства является утвержде-

¹⁷ *Gibson W.* Neuromancer. N.Y., 1984.

¹⁸ *Soja E.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2000. P. 333.

¹⁹ *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

²⁰ Документ, подписанный американским президентом Биллом Клинтонем в 1996 г. как попытка ввести цензуру в киберпространстве.

²¹ *Barlow J.P.* A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 18.07.2017).

²² *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015. С. 45.

²³ Там же. С. 27.

ние о том, что пространство есть социальный продукт, обладающий специфическими характеристиками сообразно тому социально-историческому контексту, в котором оно продуцируется. Таким образом, “пространство одновременно определяет организацию производства и социальные отношения, но и само формируется под их влиянием”²⁴. В эпоху господства цифровых технологий таким пространством становится киберпространство.

Определение понятия “киберпространство”

Несмотря на то, что вот уже на протяжении 30 лет вокруг киберпространства ведутся активные дискуссии, однозначной трактовки этого понятия до сих пор нет, а в большинстве социологических справочников этот термин отсутствует. Интересно, что еще Маклюэн предсказал, что человечество быстро приближается “к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы”²⁵. Он писал, что после почти трехтысячелетней истории взрывного разброса, связанного с фрагментарными и механическими технологиями, современный западный мир взрывается вовнутрь. На протяжении десятков веков механических эпох люди расширяли свои тела в пространстве. Благодаря изобретению электричества появилась возможность расширить свою центральную нервную систему до вселенских масштабов. Так, ограничения, накладываемые пространством и временем, были преодолены.

Множественность интерпретаций термина киберпространства объясняется рядом причин. Во-первых, очень часто исследователи отождествляют киберпространство и пространство интернета. Следует, однако, заметить, что киберпространство есть продукт функционирования любых информационно-коммуникационных технологий (в том числе и интернета). Можно определить киберпространство как пространство, не сводимое к физическому пространству, в котором агенты вступают во взаимодействие в условиях функционирования множества технически сконфигурированных сред. Во-вторых, в литературе имеет место подмена понятий киберпространства и виртуальной реальности. Под виртуальной реальностью понимают

²⁴ *Вершинина И.А.* Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 1. С. 13.

²⁵ *Маклюэн М.* Указ. соч. С. 5.

совокупность ощущений индивида, порожденных использованием различных технических и электронных устройств, которые способны имитировать функции объектов реального мира (зрение, слух, осязание). Виртуальная реальность создает искусственную среду. С помощью средств виртуальной реальности индивиды погружаются в киберпространство. В отличие от виртуальной реальности, киберпространство не основано на чувственных симуляциях с целью создания иллюзии реальности. В киберпространстве происходит преимущественно текстовое общение, которое соотносимо с объективной реальностью²⁶. В-третьих, двусмысленность термина “киберпространство” и наложение киберпространства на реальную социальную жизнь есть результат беспрецедентного числа социальных отношений, которые порождают современные технологии. И, наконец, следует отметить, что скорость разработки, внедрения и повсеместного распространения технологических новаций в современном мире зачастую создает серьезные препятствия для осуществления актуального анализа и попыток прогнозирования даже в перспективе от одного года до трех лет. То, что еще совсем недавно воспринималось многими академическими исследователями лишь как околонучные рассуждения писателей-футурологов, сегодня стало частью повседневной жизни большинства.

Киберпространство, или по-другому цифровая среда, — это пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать чрезвычайно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения информации, обмена и управления ею, а также осуществления коммуникаций в условиях множества различных сетей. Границы киберпространства несводимы к границам физического пространства. Границы киберпространства подвижны и изменчивы. Киберпространство рассеяно повсюду, и одновременно оно не отображено ни на одной карте мира. Киберпространство едино и неделимо границами национальных государств. Киберпространство представляет собой бесконечные возможности для коммуникации. Оно есть потенциал, реализуемый каждым, кто в него погружается и кого оно “захватывает” помимо собственного желания. Для многих социальных теоретиков киберпространство интересно с точки зрения внутренних отношений — новые формы социализации, а также его соотнесение с реальным географическим, физическим пространством.

Александр Войскунский определяет киберпространство как “наличие некоего мира, обладающего протяженностью и метрикой и представленного в сознании”, уточняя, что в сознании разных людей

²⁶ *Holmes D. Communication theory: media, technology, society. L., 2005. P. 44–45.*

оно представлено, вероятнее всего, по-разному. Особенностью мира киберпространства является хранение практически неограниченных объемов информации и развлечений, а также предоставление индивидам “возможностей для бесчисленных способов самовыражения”²⁷.

Барри Уэллман рассматривает киберпространство в качестве посредника, благодаря которому люди организуют свои дела и заполняют время между встречами. Киберпространство предоставляет ряд несомненных преимуществ: люди могут общаться онлайн именно с теми, с кем они хотят. Наряду с физическим пространством, продолжающим сохранять свое важное значение, киберпространство становится совокупностью кибермест (*cyberplace*), благодаря которым индивиды находят или создают новые сообщества²⁸, получившие название “виртуальные сообщества”.

Кастельс в теории сетевого общества описывает новую пространственную логику – пространство потоков, которая противопоставлена укорененной пространственной организации нашего общего опыта – пространству мест²⁹. Как и Лефевр, ученый определяет пространство как “выражение общества”³⁰. Структурные трансформации, которым подвергаются современные общества, производят поэтому новые пространственные формы и процессы. Кастельс уверен, что преобладающее число социальных практик информационной эпохи не связано с физической близостью.

Современное общество оформляется посредством бесконечного числа потоков капитала, информации и технологий. Кастельс определяет потоки как “целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества”.

По мнению исследователя, можно выделить четыре материальных слоя пространства потоков:

1. Первая материальная опора пространства потоков состоит из цепи электронных импульсов – технологическая инфраструктура информационных систем, телекоммуникационных систем и транс-

²⁷ *Войскунский А.Е.* Метафоры интернета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79. URL: <http://www.relarn.ru/human/cyberspace.html> (дата обращения: 18.07.2017).

²⁸ *Wellman B.* Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25 (2). P. 247.

²⁹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 386.

³⁰ Там же. С. 384.

портных линий (микроэлектроника, телекоммуникации, компьютерная обработка, системы вещания и высокоскоростного транспорта и т.д.). Пространство потоков конституируется сетью взаимодействий, а цели и задачи каждой сети образуют различные пространства потоков. К примеру, финансовые рынки, высокотехнологичное производство, сфера развлечений, новостные СМИ и т.п. образуют свои специфические технологические системы и различные территориальные профили.

2. Второй слой пространства потоков состоит из узлов, хабов и коммуникационных центров. Пространство потоков не лишено мест (Уолл-Стрит или Гиндза – это узлы торговли, Беркли, Стэнфорд – узлы науки). Хабы представляют собой места коммуникации (аэропорты, автобусные или железнодорожные станции). Функционирование хабов основано на электронной сети, но эта сеть связывает между собой конкретные места с четко очерченными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками. Узлы и коммуникационные центры организованы иерархически в соответствии со своим весом в сети, однако сетевая иерархия является гибкой. Таким образом, автор констатирует, что главные процессы в современном мире отчетливо фиксируются в сетях, которые имеют способность связывать различные физические места (локалии) и наделяют каждое из них определенной ролью и соответствующим весом в иерархии создания богатства, обработки информации и реализации властных полномочий, которые, в конечном счете, и обуславливают судьбу каждой локалии.

3. Третий слой пространства потоков относится к пространственной организации властвующих менеджерских элит. Пространство потоков является доминирующей пространственной логикой, поскольку отражает интересы элиты. Особенностью современной элиты является ее космополитичный характер. Пространства власти и богатства пронизывают весь мир, тогда как жизнь и опыт народов укоренен в конкретных местах, в их культуре, истории и жизненном укладе. Чем больше социальная организация основана на внеисторических потоках, вытесняющих логику любого конкретного места, тем больше логика глобальной власти уходит из-под контроля со стороны местных и национальных сообществ³¹.

4. Пространство потоков содержит электронные пространства, такие как сайты в интернете, мессенджеры и т.п. (это могут быть как однонаправленные, так и интерактивные потоки). Именно этот слой пространства потоков характеризуется сегодня наибольшей динамикой развития, и оказывает определяющее воздействие

³¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха... С. 399.

на процессы принятия решений, производства информации и коммуникацию³².

Кастельс пишет о том, что наблюдается “шизофреническое структурное раздвоение между двумя пространственными логиками, которое угрожает разрушить коммуникационные каналы в обществе. Доминирующая тенденция направлена к горизонту сетевого внеисторического пространства потоков, стремящихся навязать свою логику рассеянными сегментированным местам, все слабее связанным друг с другом, все менее и менее способным пользоваться общими культурными кодами”³³.

И здесь следует еще раз указать на сложность определения “киберпространства”. Первые работы в этой области часто содержали описание киберпространства, схожее с тем, как писал о нем еще Гибсон. Фактически киберпространство, будучи продуктом информационно-коммуникационных технологий, сравнивалось с виртуальной реальностью, в которой пользователи теряют ощущение реального мира и фактически растворяются во вселенной абстрактных форм и виртуальных объектов. Нет сомнения, что и сегодня такие явления распространены посредством различного рода симуляций и сетевых игр. Тем не менее, следует отметить, что киберпространство – это не только специфический интерфейс и полное погружение посредством устройств виртуальной реальности (специальные очки и перчатки, устройства, подключаемые к игровой консоли, микрочипы и т.п.). Киберпространство фактически представляет собой общее пространство информационных потоков, в котором как нельзя более отчетливо наблюдаются последствия глобализации, во всем многообразии ее проявлений³⁴.

Именно в этом смысле киберпространство может рассматриваться как альтернативное пространство, существующее по меткому выражению Кастельса “на краю вечности”. Расстояния в киберпространстве измеряются щелчком компьютерной мыши. Здесь как нельзя кстати подойдет ставшая уже крылатой фраза Маклюэна: “Средство коммуникации есть сообщение”. Сообщение – это парадигматическое средство коммуникации информационной эпохи. В современном мире сообщение похоже на байты. Лэш в этой связи напоминает, что ценность книги оценивается возрастом 20 лет и более, ценность газеты – не более одного дня, а ценность сообщения может быть устаревшей уже через 20 секунд после его получения (к примеру, котировки на биржах). Информация в современном

³² Кастельс М. Там же. С. 389–390; *Castells M. Grassrooting the space of flows // Urban Geography. 1999. Vol. 20 (4). P. 294–296.*

³³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 399.

³⁴ *Terranova T. Network culture: politics for the information age. L., 2004. P. 42.*

мире не имеет концептуального оформления, поскольку у индивида практически отсутствует время на рефлексию³⁵. В настоящее время единая сеть электронной коммуникации распространяется на все сферы человеческого опыта в режиме реального времени и независимо от местонахождения индивида. Не важен IP-адрес, не важно геополитическое нахождение сервера, поскольку в общей информационной среде сайт, разработанный специалистами, находящимися, например, в России, в конечном итоге находится в пределах того же коммуникационного поля, что и интернет-страница, созданная в Италии. Таким образом, общее коммуникационное пространство создает ощущение сжатости и одномоментности происходящих событий.

Таким образом, можно заключить, что определение киберпространства может быть раскрыто в трех различных перспективах:

- 1) физический аспект киберпространства;
- 2) информационный аспект киберпространства;
- 3) социальный аспект киберпространства.

С точки зрения физического или материального восприятия киберпространства, важным является наличие определенных устройств (компьютеры, смартфоны, средства виртуальной реальности и т.п.), посредством которых киберпространство создается и функционирует. Киберпространство – это виртуальное место, создаваемое сетью взаимосвязанных компьютеров, в котором взаимодействуют агенты³⁶. И, несмотря на то, что киберпространство не является вмещением реальных материальных объектов, реальные материальные объекты создают места виртуальные, которые не имеют пространственно-временной протяженности, однако являются местами взаимодействия, в них хранится огромное количество информации, и создаются границы для защиты этой информации или возможностей ограничения доступа к определенным ресурсам в киберпространстве.

Информационный аспект киберпространства предполагает анализ киберпространства как совокупности бесчисленных информационных потоков, через которые с невероятной скоростью курсирует информация, переведенная в цифровую форму.

И, наконец, социальный аспект анализа кибернетического пространства связан с изучением всех социальных взаимодействий, которые происходят в этой неосозанной цифровой среде, в том числе функционирование многочисленных виртуальных сообществ, а также новые возможности для построения идентичностей. Очевидно, что

³⁵ *Lash S.* Op. cit. P. 2–3.

³⁶ *Ploug T.* Ethic sin cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction. Dordrecht, 2009. P. 69–70.

киберпространство и реальное пространство неразрывно связаны между собой и пересекаются в общем потоке социальных взаимодействий. В этой связи целесообразно отметить, что новые возможности, которые открывают для человека информационно-коммуникационные технологии позволили фактически стереть границу между реальным миром и киберпространством³⁷.

Характеристики киберпространства

Определив киберпространство как новую среду существования современного человека, следует обратиться к ключевым его характеристикам. Одной из таких характеристик является его виртуальность. Современное употребление понятия “виртуальность” все чаще выходит за рамки области информатики и компьютерной техники. «В обиход вошли такие, еще до недавнего времени бывшие “нереальными” сочетания, как “виртуальная корпорация”, “виртуальные деньги”, “виртуальная демократия”, “виртуальное обучение” и т.п. Виртуальная реальность, таким образом, становится максимально объективированной, предельно конкретной и ощутимой»³⁸.

Это означает, что киберпространство жестко не привязано и не зависит от конкретного пространственно-временного расположения. Место взаимодействия в киберпространстве не требует, чтобы агенты взаимодействия находились в одном конкретном месте в определенный момент времени для того, чтобы их встреча в киберпространстве состоялась. Несомненно, взаимодействие в киберпространстве связано с физическим субстратом, но оно может быть синхронным или асинхронным, и оно может быть доступно агентам практически в любом географическом пространстве. Виртуальность здесь не выступает противоположностью действительности. Тем не менее, виртуальность обозначает то, что нечто в киберпространстве может быть совсем не тем, чем кажется. Таким образом, киберпространство, будучи виртуальным местом, не является местом в привычном смысле, когда место или пространство для взаимодействия ограничено пространственно-временными рамками.

Другой важной характеристикой киберпространства является связь между киберпространством и сетью. Киберпространство нельзя отождествлять с сетью или описывать как совокупность

³⁷ Slater D. Social relationships and identity online and offline // Handbook of New Media: Social Shaping and Consequences of Icts / Ed. by L. Lievrouw, S. Livingstone. L., P. 533–546.

³⁸ Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 86.

данных, хранящихся на компьютерах, и предоставляемых через компьютерные сети. Однако киберпространство во многом зависит от функционирования информационно-коммуникационных сетей (преимущественно речь идет об интернете). Более конкретно, киберпространство является местом или пространством, которое контролирует существование и работу взаимосвязанных сетей компьютеров. Следовательно, любое изменение состояния соответствующих взаимосвязанных компьютеров, таких как потеря мощности, также будет связано с изменением взаимодействия в киберпространстве: например, невозможностью взаимодействия.

Киберпространство как пространство для взаимодействия – еще одна важная характеристика киберпространства. Примеры взаимодействия в киберпространстве: интернет-банкинг, гейминг, социальные сети, электронные торги, новости, онлайн-шоппинг, поисковые системы, электронное правительство, краудсорсинг.

Отдельно необходимо рассмотреть характерную черту киберпространства, которая связана с тем, что оно не является четко определенным и заданным. Войскунский в этой связи приводит сравнение киберпространства с картой, имеющей бесконечное множество входов, которую никогда невозможно увидеть целиком, поскольку оно всегда открывается лишь частично и с любого места. Эта карта постоянно изменяется, что отражает мобильность развивающегося киберпространства, а протяженность интервалов между информационными массивами, как правило, неизвестна. В этой связи автор также описывает киберпространство как гипертекст или сеть. Гипертекст нелинеен и содержит множество разнородных связей, что создает собственное восприятие киберпространства у каждого агента, находящегося в цифровой среде. По аналогии с сетью, киберпространство в этом случае характеризуется децентрализацией и размытостью границ. “Наложение гипертекстовой структуры на обычную карту земной поверхности с очевидными сгущениями (скажем, в районе Силиконовой долины) и точками/системами обмена трафиком характеризует вовсе не топологию киберпространства, а географию проложенных в индустриальную эпоху линий связи и неравномерность урбанизации в информационную эпоху”³⁹.

Еще одной особенностью киберпространства является возможность рассматривать его как частное, интимное, или открытое, публичное. Множественность связей сетевой структуры киберпространства создает бесконечное число вариантов индивидуальной репрезентации, а также полей для взаимодействий в рамках раз-

³⁹ *Войскунский А.Е.* Указ. соч. С. 67.

личных сообществ, начиная от небольших закрытых и заканчивая открытыми с огромным числом подписчиков.

Киберпространство является социальным пространством, поскольку в нем происходят многочисленные социальные интеракции между реальными людьми, которые могут представлять себя таким же образом, как они представлены в реальной жизни, либо создавать свой новый образ посредством использования всевозможных аватаров. Речь здесь идет о конструировании сетевой идентичности, отличающейся гибкостью, фрагментированностью и множественностью. Как указывает Войскунский, поведение в киберпространстве определяется следующими чертами: анонимностью, переносом (из реальности в пространство интернета и обратно), репутационной прокачкой, мобильностью, погружением, распределенностью⁴⁰.

Все сферы жизнедеятельности современного “виртуализированного” общества⁴¹ функционируют посредством виртуальных коммуникаций, а именно через трансляцию образов, символов и текстов. Социальные институты в новых условиях приобретают виртуальную форму, не переставая при этом оставаться частью социальной реальности⁴².

Заключение

Киберпространство представляет собой новую среду обитания современного человека. Независимо от воли и сознания каждый индивид является частью этой среды, поскольку большинство социальных взаимодействий в современном мире происходит посредством информационно-коммуникационных технологий, продуктом которых и является эта всеобъемлющая цифровая реальность. Киберпространство можно рассматривать наряду с физическим и социальным пространством, обнаруживая черты первого и второго. В этой новой среде создается глобальная система общественного производства, которая дает возможности по-новому использовать природные и интеллектуальные ресурсы. Являясь чрезвычайно подвижной и гибкой, среда киберпространства не только создает бесконечное число новых возможностей, но и порождает новые риски, с которыми человечество никогда ранее не сталкивалось.

⁴⁰ *Войскунский А.Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.

⁴¹ *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000.

⁴² *Игнатьев В.И., Степанова А.Н.* Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 93.

“Создавая новые технологические и социальные возможности, объединяя людей и их сообщества, оно в то же время порождает новые опасности и риски. И, следовательно, влечет за собой формирование новых институций и инструментов человеческой активности”⁴³. Киберпространство является полем функционирования экономических институтов. Оно является отражением современного социального неравенства. Ограниченный доступ в зависимости от уровня дохода, образования, пола, возраста, происхождения, расы или языка демонстрирует цифровой разрыв, существующий в современном мире как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных государств⁴⁴. На повестке дня остро стоят вопросы кибербезопасности, перспективы развития “цифровой” экономики и “цифровой” культуры общества⁴⁵. Человечество стало заложником собственноручно созданных технологий. Теперь существование этих технологий является основой стабильного функционирования общества информационной эпохи господства сетевых структур. Возможно ли органичное сочетание использования сверхсовременных технологий с традиционным духовными ценностями и идеалами — вопрос, который следует задавать каждому, погружаясь в бесконечный, невидимый, непредсказуемый мир киберпространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Араб-Оглы Э. Кибернетика и моделирование социальных процессов // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / Сост. В.Д. Пекеллис. М., 1968.

Вершинина И.А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5–19.

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.

Войскунский А.Е. Метафоры интернета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79.

Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.

Гибсон У. Нейромант. М., 2000.

Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 85–96. DOI:10.11621/npj.2016.0311.

Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.

⁴³ *Яницкий О.Н.* Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 21.

⁴⁴ *Fuchs C.* Internet and society. Social theory in the information age. N.Y., 2008. P. 281.

⁴⁵ *Яницкий О.Н.* Указ. соч. С. 20–22.

Игнатъев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 91–104.

Капра Ф. Скрытые связи. М., 2004.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая пост-индустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.

Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

Мартыненко Т.С. Трансформация предмета социологии в работах Б. Латура и Дж. Урри // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 151–162.

Митчелл У. Я++. Человек, город, сети. СПб., 2012.

Осинова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее социологической теории в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 5–28. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-5-28.

Полякова Н.Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 29–46. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-29-46.

Пригожин И.Г. Сетевое общество // Социс. 2008. № 1. С. 82–88.

Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.

Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 12–34. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452>.

REFERENCES

Arab-Ogly E. Kibernetika i modelirovanie sotsial'nykh protsessov [Cybernetics and modeling of social processes] / Kibernetika ozhidaemaya i kibernetikaneozhidannaya / Sost. V.D. Pekelis. M., 1968 (in Russian).

Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 18.07.2017).

Barney D. The Network society. Cambridge, 2004.

Castells M. Galaktika Internet [The Internet Galaxy]. Ekaterinburg, 2004 (in Russian).

Castells M. Grassrooting the Space of Flows // Urban Georraphy. 1999. Vol. 20 (4). P. 294–302. DOI: 10.2747/0272-3638.20.4.294

Castells M. Stanovlenie obshhestva setevykh struktur [The Rise of the Network Society] // Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija. M., 1999 (in Russian).

Castells M. Vlast' kommunikacii [Communication power]. M., 2016 (in Russian).

Emelin V.A. Simulyakry i tekhnologii virtualizatsii v informacionnom obshchestve [Simulacra and virtualization technologies in information society] // Natsional'ny i psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]. 2016. N 3 (23). S. 85–96. DOI:10.11621/npj.2016.0311 (in Russian).

Fuchs C. Internet and society. Social theory in the information age. N.Y., 2008.

Gibson W. Burning Chrome // Omni. 1982. July. URL: <https://omni.media/omni-magazine-july-1982>

Gibson W. Neiromant [Neuromancer]. M., 2000 (in Russian).

Gibson W. Neuromancer. N.Y., 1984.

Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. M., 2006 (in Russian).

Hassan R. Media, politics and the network society. Buckingham, 2004.

Holmes D. Communication theory: media, technology, society. L., 2005.

Ignat'ev V.I., Stepanova A.N. Virtual'noe sotsial'noe deistvie i transformatsiya povsednevnykh praktik [Virtual social action and transformation of daily practices] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2010. N 3. S. 91–104 (in Russian).

Ivanov D.V. Virtualizatsiya obshchestva [Social virtualization]. SPb., 2000 (in Russian).

Kapra F. Skrytye svjazi [The Hidden Connections]. M., 2004 (in Russian).

Khanna P. Connectography. Mapping the Global Network Revolution. L., 2016.

Lash S. Critique of Information. L., 2002.

Martynenko T.S. Transformacija predmeta sociologii v rabotah B. Latura i Dzh. Urri [Transformation of the subject of sociology in the works of B. Latour and J. Urry] // XX Mezhdunarodnaja konferencija pamjati professora L. N. Kogana Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija, 16-18 marta 2017 g. Ekaterinburg. 2017. S. 151–162 (in Russian).

Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. M., 2015 (in Russian).

Martynenko T.S. Transformacija predmeta sociologii v rabotah B. Latura i Dzh. Urri [Transformation of the subject of sociology in the works of B. Latour and J. Urry] // XX Mezhdunarodnaja konferencija pamjati professora L. N. Kogana Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: Metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija, 16-18 marta 2017 g. Ekaterinburg. 2017. S. 151–162 (in Russian).

McLuhan M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: the extensions of man]. M., 2003 (in Russian).

Mitchell W.J. Ya++. Chelovek, gorod, seti [Me++. The Cyborg Self and the Networked City]. SPb., 2012 (in Russian).

Osipova N.G. Proshloe, nastoyashchee i budushchee sotsiologicheskoi teorii v Rossii [The past, the present and the future of the sociological theory in Rus-

sia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2. S. 5–28. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-5-28.

Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.

Ploug T. Ethics in cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction. Dordrecht, 2009.

Polyakova N.L. Novye teoreticheskie perspektivy v sotsiologii nachala XXI v. [New theoretical perspectives in sociology at the beginning of the 21st century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2015. N 2. S. 29–46. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-29-46 (in Russian).

Prigogine I. Setevoe obshchestvo [Networked society] // Sotsis. 2008. N 1. S. 82–88 (in Russian).

Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. M., 2017 (in Russian).

Slater D. Social relationships and identity online and offline // Handbook of New Media: Social Shaping and Consequences of Icts / Ed. by L. Lievrouw, S. Livingstone. L., P. 533–546.

Soja E. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2000.

Terranova T. Network culture: politics for the information age. L., 2004.

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. M., 2012 (in Russian).

Van Dijk J. The Network society. Social aspects of new media. L., 2006.

Vershinina I.A. Sotsial'noe neravenstvo v sovremennykh gorodakh: perspektivy urbanisticheskoi revolyutsii [Social inequality in modern cities: urban revolution's perspectives] // Sotsiologiya goroda [Sociology of City]. 2017. № 2. S. 5–19 (in Russian).

Voiskounsky A. Metafori internet [Metaphors of the Internet] // Voprosy filosofii. 2001. N 11. S. 64–79 (in Russian).

Voiskounsky A. Povedenie v kiberprostranstve: psikhologicheskie printsipy [Behavior in a cyberspace: Some psychological principles] // Chelovek. 2016. N 1. S. 36–49 (in Russian).

Weiner N. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine]. M., 1983 (in Russian).

Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25 (2). P. 227–252. DOI: 10.1111/1468-2427.00309.

Yanitsky O.N. Chetvertaya nauchno-tehnicheskaya revolyutsiya i glubinye izmeneniya protsessov globalizatsii [The fourth technological revolution and deep shifts in globalization processes] // Vestnik Instituta sotsiologii. 2017. N 21. C. 12–34. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452> (in Russian).